

1812-й год в истории Ферапонтовой обители и судьбах ее братии

Среди событий, вписанных в почти шестивековую историю Можайского Лужецкого монастыря, 1812-й год занимает особое место. Расположенная в двенадцати верстах от Бородинского поля, где состоялось генеральное сражение Отечественной войны, Ферапонтова обитель, конечно же, не могла оказаться в стороне от тяжкого испытания, посланного Господом нашему Отечеству. Как пережил его древний монастырь-сторож у Можайска? Как послужила Отечеству в грозную годину монастырская братия?

Монастырское летописание рассказывает следующее.

В 1812 году Лужецкий монастырь оставался под управлением казначея иеромонаха Иоасафа. Настоятель архимандрит Евгений (Казанцев), будучи ректором Троицкой семинарии, оставлен был начальством на то время при больном Митрополите Платоне.

При приближении неприятеля к Можайску с 18 августа город и Лужецкий монастырь были объявлены в осадном положении. Казначей Иоасаф так описывал события тех дней: *«1812 года августа 18-го дня явился я к его превосходительству, генералу Михаилу Ивановичу Левицкому, коему поручено от светлейшего князя, Михаила Илларионовича Кутузова, по воинской части устройство порядков; он дал мне для охранения монастыря, двух добрых казаков и приказал мне являться ежедневно, по утрам и вечерам, с донесениями о благосостоянии монастыря; получил я предписание из консистории от (Святейшего Синода о пожертвовании от монастырей по усердию к Отечеству), почему я объявил генералу Левицкому, что имею ревностное желание к Отечеству принести в жертву для страждущих болезнями и ранами российских воинов – две тысячи рублей; в получении от меня оной суммы имею квитанцию и от светлейшего князя Кутузова монастырю*

благодарность, между прочим, в оной сказано, что о том похвальном поступке не преминет всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству.

23 числа докладывал генералу Левицкому, что я из монастыря не выеду; на что он мне сказал: вам сего сделать не позволят; а я от простоты сказал: за что и почему; за сие с большим на меня гневом кричал, и сказал ехать в монастырь и убирать все драгоценности из святых образов: все серебряные оклады снимать, также с престолов все святые антиминсы взять: «что будешь иметь при себе, то цело, а что зароешь в землю, не твое».

25 числа, в воскресенье, по отслужении Божественной литургии и о победе молебна, забрав все церковные драгоценности и утварь, отправился с братиею и штатными служителями в путь, с данным мне от главной квартиры открытым листом, плакал горько: жалость дому Божию снede мя с потерею самаго себя.

30-го числа явился к его преосвященству, преосвященнейшему Августину. Он приказал дать братии и штатным служителям билеты и отпустил с награждением «спаситесь, отцы и братия» предав их Промыслу Божию.

11-го числа сентября приехал в Ярославль и имел пребывание по благословению тамошнего Архиепископа Антония, в Толгском монастыре»¹.

Тем временем, 26 августа, в 12 верстах от Лужецкого монастыря произошла знаменитая Бородинская битва. 27 августа М.И. Кутузов отвел свою армию с поля сражения, но Можайск в течение еще двух суток оставался в руках русских. Город занимал арьергард под командованием атамана Матвея Ивановича Платова, а затем генерала Николая Николаевича Раевского. У стен Лужецкого монастыря проходила Старая Смоленская дорога, по которой к городу пыталась подойти часть французских войск. Под вечер 28 августа близ Лужецкого был бой,

неудачный для неприятеля. И тем не менее, Можайск был оставлен. Русская армия отступала к Москве, армия Наполеона последовала за ней, но не вся. Вестфальский корпус генерала Жюно остался в Можайске. Он разместился в Лужецком монастыре и оставался в стенах обители до 17 октября, когда французы вынуждены были обратиться вспять, к западным границам России. Общеизвестен факт, как относился безбожный завоеватель к Православным святыням. Многие храмы были разрушены, алтари осквернены, святыни поруганы. Не исключением был и Лужецкий монастырь. Пожалуй, только по молитвам своего основателя преподобного отца нашего Ферапонта, обитель не исчезла полностью с лица земли.

Послужить монастырю был призван его штатный служитель, крестьянин из подмонастырской слободы. *«При выходе французов из монастыря, в сумерки он прибежал в соборную церковь (Рождества Пресвятой Богородицы Иг. Борис), где увидел, что иконостас горит, а на окнах лежит в мешках порох: он весь собрал и вынес вон, потом пошел в верхние летние братские келии и там на каждом окне по денежному мешочку лежит пороху – и оной весь собрал»².*

До возвращения братии монастырь оставался пустым. Когда казначей Иоасаф вернулся из Ярославля с сокровищами ризницы, он застал обитель, оставленную «цивилизованной» нацией, в страшном состоянии. Вновь предоставим слово ему самому.

«30-го октября выехал из Толгского монастыря, поспешая видеть свою обитель. 5-го ноября приехал в Москву; 7-го числа явился к его преосвященству, преосвященнейшему Августину, от коего получил благословение ехать в свою обитель, куда, по прибытии моем 10 ноября, по вечеру, нашел церковь Рождества Пресвятыя Богородицы: внутри иконостас сожжен, не осталось ничего, даже стенное писание и штукатурка обвалилась, а стены целы и тверды; на верху большая глава с куполом и вся крыша, по причине деревянных стропил, сгорели, а четыре главы целы; паперть сгорела, а снаружи церковь в стенах вся цела и

повредилась нимало; в алтаре, на горнем месте, по правую сторону стоял резной крест и остался цел, только окопчен, а по левую сторону образ Владимирския Богородицы сгорел; теплая церковь, Введение во храм Пресвятыя Богородицы, в которой рожь молотили, – цела, престол и жертвенник целы, на своих местах стоят токмо все обобранны, иконостас и святыя иконы целы и невреждены, только в образа набито множество гвоздей; придел Сошествия Святаго Духа цел и престол цел, а жертвенник не найден, иконостас и святыя иконы целы и невреждены, в церкви же преподобного Ферапонта – была столярня полна стружек, надгробный – преподобного Ферапонта – образ снесен и не найден, рака, балдахин, иконостас и святыя образа все целы, престол и жертвенник унесены, которую вычистили, освятили воду и окропили, начали служить часы вечерню и утреннюю, чем народ весьма был обрадован³.

Картина дополняется описанием разорения во всепокорнейшем докладе казначея Иоасафа Преосвященному Августину, епископу Дмитровскому от 12 ноября 1812 года: *«настоятельские и братские келии и ограда башни, конюшня – все цело Бог сохранил; токмо стулья и мебель все перебито, переломано и разграблено; ризница разбита и что в ней оставалось – которые ризы и прочая посуда медная и оловянная и каменная – все разграблено и унесено; также монастырские дела письменные все изорваны, по нужникам и в навозе валяются, книгохранильница разбита и вся в беспорядке изорвана – даже и в навозе находили, однако для служения книг довольно отыскано; лампы пред образа и подсвечники кой как собраны; колокольня колоколами вся цела и невреждена, а конюшенной сбруи и припасов никаких не оказалось»⁴.*

Уже на другой день он просил благословения у владыки освятить трапезный храм, так велико было желание поскорее возобновить Богослужения в родной своей обители: *«церковь Введение во храм Пресвятыя Богородицы находится в целости; престол, жертвенник,*

иконостас и святые образа и вся утварь церковная к служению готова вся. Благослови оную, по церковному чиноположению, освятить». 19 ноября было получено разрешение на полное освящение этого храма⁵.

Братия монастыря во главе с отцом Иоасафом по возможности быстро стала приводить в порядок полуразрушенный монастырь. К середине декабря были приведены в порядок и готовы к освящению церковь преподобного Ферапонта и придельный храм при Введенской церкви (во имя Сошествия Святаго Духа). Исправление же соборной церкви и других зданий было совершено уже в 1813–1814 гг. Соборный храм был освящен в конце июня 1815 г. Храм Преображения Господня удалось возобновить и освятить только в 1817 г.

То, что монастырь был так быстро восстановлен, без сомнения, является заслугой казначея Иоасафа. Но к заслугам его следует отнести и ту заботу, которую он проявлял к возвращению благолепия многим разрушенным храмам Можайского благочиния. Во-первых, следует упомянуть спасение им утвари из Успенской можайской церкви и церкви села Бородина. Первая была сожжена французами, во второй в 1816 г. восстановлен был придел преподобного Сергия Радонежского. Казначеем Иоасафу было поручено наблюдать за восстановлением. Неоднократно ему поручалось освящение церквей в селах Тесово, Александрово, Криушино и других. Казначей иеромонах Иоасаф и еще два человека из братии – иеромонах Гавриил и белый священник Петр Тимофеев были отмечены в память Отечественной войны особой наградой – бронзовыми крестами с надписью «1812 год»⁶.

В восьмую годовщину Бородинского сражения, 26 августа 1820 г. лужецкий казначей освятил новопостроенный храм на Бородинском поле у деревни Семеновской.

Храм в честь Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа сооружен был стараниями вдовы погибшего на флешах Багратиона генерала Александра Алексеевича Тучкова 4-го. Известно, что Маргарита

Михайловна Тучкова, как только поле сражения было оставлено французами, приезжала сюда с целью найти останки мужа. По преданию, ее сопровождал в скорбных поисках монах Можайского Лужецкого монастыря. Возможно ли это? Тучкова могла приехать в Можайск и затем в Бородино уже в двадцатых числах октября, а мы знаем, что казначей Иоасаф с братией выехал из Толги 30 октября и был в своем монастыре лишь 10 ноября. Либо приезд Маргариты Михайловны следует относить не к октябрю, а к ноябрю, либо в Ярославскую губернию с казначеем уехала не вся братия. Косвенное подтверждение второй версии находится в записке казначея. Вспомним, преосвященный Августин «приказал дать братии и штатным служителям билеты и отпустил с награждением “спаситесь, отцы и братия”, предав их Промыслу Божию».

Как бы то ни было, но с семьей Тучковых лужецкая братия по Промыслу Божию оказалась связанной еще в Толгском монастыре. Здесь был погребен старший из братьев генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков 1-й, командир 3-го пехотного корпуса русской армии, смертельно раненый в Бородинской битве и скончавшийся после двухнедельных мучений в Ярославле. Надо полагать, что погребение происходило в присутствии монахов из Лужецкой обители. И может быть, именно этот факт побудил М.М. Тучкову пригласить впоследствии одного из них на поиски останков ее мужа.

Монах Лужецкого монастыря не просто сопровождал безутешную вдову. Он по ее просьбе совершал служение на поле, покрытом тысячами мертвых тел и, впервые после военного духовенства, приносил Богу заупокойные молитвы о душах воинов, что положили живот свой за Веру, Царя и Отечество. Но служение лужецкой братии на поле ратной славы на этом не закончилось. Уже упомянуто было о том, что казначей Иоасаф освящал здесь Спасский храм. Вначале он был приделным церкви в селе Бородине. Но когда после смерти сына в 1826 г. М.М. Тучкова окончательно поселилась в Бородино у его могилы, она пожелала ввести в

церкви Спаса Нерукотворного ежедневные Богослужения. Митрополит Московский и Коломенский Филарет благословил приносить ежедневно Бескровную Жертву на поле, где было пролито так много христианской крови «в чистой преданности Богу, Царю и Отечеству» братию Можайского Лужецкого Ферапонтова монастыря. Распоряжение это сроком на один год «для опыта» было дано в 1827 г., в 15-годовщину сражения. С 22 июля 1829 г. по «Положению о Спасской церкви, что на Бородинском поле», подписанному митрополитом Филаретом, церкви этой определено было «быть под ведением настоятеля Лужецкого монастыря, согласно с желанием храмоздательницы», и повелено было совершать «в означенной церкви Богослужения по церковному чиноположению постоянно»⁷.

В сем послушании монахи Лужецкого монастыря пребывали до 1873 г., когда последовало распоряжение епархиального начальства об открытии постоянного особого причта при Спасо-Бородинском монастыре. А это значит, что из 190 лет, прошедших после Бородинского сражения, в течение 61 года о душах павших здесь вождей и воинов молилась братия Ферапонтовой обители. Она же совершала 1852 году отпевание и погребение блаженной памяти игуменьи Марии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Дионисий, архимандрит.* Краткая летопись Можайского Лужецкого второклассного монастыря с 1408 года по 1892 год. М., 1892 С. 135–136.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 6864. Л. 2 об-3.

⁷ *Дионисий, архимандрит.* Указ. соч. С. 122–123.